003470156

На правах рукописи

Вояковский Денис Сергеевич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специальность **23.00.02** – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

21 МАЙ 2009

Уфа – 2009

Работа выполнена в Институте этнологических исследований Уфимского научного центра РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **Юнусова Айслу Билаловна**

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор **Мухаметшин Рафик Мухаметшович**

кандидат исторических наук, доцент **Лаврентьев Сергей Николаевич**

Ведущая организация: Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан

Защита состоится «18» июня 2009 года в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.013.13 в Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. ауд. 310.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Башкирского государственного университета, с содержанием автореферата – на сайте www.bashedu.ru

Автореферат разослан «16» мая 2009 года

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор **А.А.Вальков**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

В последнее время российские и западные политологи все чаще обращаются к теме исламского экстремизма, одной из самых сложных проблем современной действительности.

В течение последних десятилетий в разных районах мира формируются зоны возрастающей многоуровневой нестабильности – социально-политической, этнополитической, военно-политической – с активной вовлеченностью в дестабилизационные процессы и акции радикальных исламских организаций, движений, группировок и режимов, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение (РИД), охватившее в настоящее время практически все мусульманские страны.

Выход исламских фундаменталистов на авансцену политической жизни, увенчавшийся приобретением ключевых позиций во властных структурах ряда стран Ближнего и Среднего Востока или установлением их доминирующего идеологического влияния на общество, был обусловлен, прежде всего, социально-экономическими причинами. Напряженная экономическая ситуация позволила радикальным исламским группировкам привлечь симпатии представителей беднейших слоев населения. Фундаменталистские движения, основу которых изначально составляли борцы за чистоту ислама, требовавшие возвращения к временам праведных халифов, социального равенства и справедливости, приняли на себя функцию выразителей интересов части социальных слоев и групп, возникших, в том числе и как результат колониально-капиталистической модернизации традиционного общества. Эти факторы наложились на так называемый «нефтяной бум» в мире и на стремление западных держав установить контроль над нефтеносными районами Ближнего Востока. Противостояние подобной политике также явилось одной из причин исламских революций в Ливии, Иране, привело к созданию режимов, опирающихся на Коран как на источник права.

Таким образом, происходит «исламизация политики» и «политизация ислама»: любое политическое действие, если не эксплицитно, то имплицитно соотносится с этим вероучением, а само оно во все большей степени превращается в политическую доктрину. Подкреплять свою внутреннюю и внешнюю политику догмами религии старается подавляющее большинство правящих режимов стран Востока. Сотрудничающие с государством религиозные деятели отыскивают развернутые догматические обоснования политических лозунгов. Нередко находящиеся в оппозиции к правительству религиозно-политические организации выступают с собственными программами переустройства общества на принципах ислама.

Конец XX века ознаменовался очередными переменами в мире ислама. К этому добавилось установление монополярного мира и всплеск террористических проявлений.

В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы роли ислама в современном политическом, социально-экономическом и культурном устройстве России, попытках некоторых внешних сил вовлечь ее в противостояние с исламским миром.

Во-первых, в наиболее очевидной форме это проявляется в возрастающей социальной значимости мусульманской религии, политизации ислама и исламизации общественной жизни ряда народов, традиционно исповедующих ислам.

Во-вторых, в 1990-е годы для России стали характерны многие проблемы, которые ранее считались специфичными лишь для стран «третьего мира». Соответственно стали проявляться присущие ранее только развивающимся странам некоторые черты религиозно-политической ситуации (обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.) Переходный характер происходящих процессов в России предопределил обострение скрытых ранее противоречий. На постсоветском пространстве столкнулись с волной «новой исламизации», при которой часть мусульманской общины при общем кризисе активно усваивает привнесенный извне радикальный ислам. Этот процесс совпал по времени с мусульманским ренессансом в мире, или же явился его продолжением. Мусульмане, проживающие на территории Российской Федерации (около 20 миллионов человек), являются составной частью исламской цивилизации. В этой связи процессы возрождения Ислама, происходящие в мусульманском мире, не могут не касаться нашей страны

В третьих, некоторые радикальные исламские организации, не имеющие в силу ряда субъективных и объективных факторов возможности самореализоваться в районах исторического влияния исламской цивилизации, нашли удобную нишу для воплощения своих идей (в первую очередь политического характера) на периферии исламского мира, в регионах, где традиционно были устойчивы позиции христианства, а население в своей массе было слабо подготовленным в культурно-просветительском плане к восприятию идей истинного ислама. К такой «периферии» можно отнести и регионы исторического распространения ислама, в которых исламская традиция по тем или иным причинам была утрачена (например, Северный Кавказ, Поволжье).

Таким образом, учитывая все большую значимость, которую приобретает исламский фактор в ходе дальнейшего развития страны, актуализируется необходимость анализа влияния причин и форм радикализации и политизации ислама на все сферы жизни общества.

Степень научной разработанности темы.

В изучении проблемы исламского экстремизма можно выделить две стадии, непосредственно связанные с социально-политическими аспектами глобализации. Начиная с конца 60-х гг. XX в. национально-освободительные движения в странах мусульманского Востока, «исламский бум» и революции в Афганистане, Иране обусловили повышенный интерес к проблемам

модернизации ислама, проявлений политического ислама, соотношения ислама и экстремизма. Наиболее ясная для общества и потому широко воспринятая оценка событий была дана С.Хантингтоном, который обозначил происходящее понятием «столкновение цивилизаций». Ему солидаризируют Б.Льюис, Д. Икэда, И. Брукхардт, М.Вебер, которые также увязывают перспективы «политического ислама с более широкими проблемами «региональных цивилизаций» и их места в современном мире.

Отдельные аспекты исламского радикализма и его влияние на массовое сознание затрагиваются также в работах А. Беннигсена, Н. Кедди, М. Крамера, Ш. Лемерсье-Келькеже, Е. Мортимера, М. Родинсона, Я. Рой, Ш. Хантер и др.

Новое измерение ислама относится к рубежу XX–XXI вв. События 11 сентября 2001 года однозначно перевели проблему исламского радикализма в плоскость исследования ислама в контексте международного экстремизма терроризма.

В дискуссии по исламскому возрождению в зарубежных исследованиях обозначились два подхода: одна группа ученых (Д.Эспозито, А.Менк, Г.Филлер и др.) придерживается той точки зрения, согласно которой опасения Запада во многом надуманны, связаны либо с непониманием сути ислама и возрожденческих мусульманских движений, либо с нетерпимостью, граничащей с ксенофобией и даже расизмом ко всему неизвестному. Эти авторы считают, что исламские движения не могут представлять серьезной угрозы в силу того, что им не хватает единообразия, сплоченности, солидарности.

Иной подход к этой проблеме прослеживается у М. Крамера, М. А. Хермаси, О. Карре, Ж. Кеппеля, О. Руа, М. Олкотт, П. Р. Митчелла, У. М. Уатта, Л. Ионсон, которыми «исламский экстремизм» определятся как крайняя часть «политического ислама». При этом исследователями подчеркивается, что радикализация ислама происходит в ходе его политизации в условиях активной реисламизации мусульманской уммы. Ими подчеркивается, что концепция «умеренного исламизма» практически мертва. Насилие, ранее являвшееся исключением из правил, теперь используется как метод и как стратегия для достижения власти в исламском мире.

В разработке проблем политического экстремизма и негосударственного терроризма, политических систем и институтов использовались работы А. Г.Алмонда, Х.Арендт, М.Дюверже, Э.Йессе, А.Йонаха, К.Кенистон, Дж.Лодж, В.Маллисон и С.Маллисон, А.де Токвиля, П.Чока, С.Комбс.

Пристальное внимание к проблемам исламского радикализма, экстремизма и, в конечном счете, терроризма, обозначилось в СССР также еще в период исламских революций – в 70–80-е гг. прошлого века. Это внимание не угасает до настоящего времени, что обусловлено динамично развивающимися процессами политизации исламской уммы современной России.

В таких отраслях отечественной науки как политология, востоковедение, социология религии проделана значительная работа по исследованию идейных течений в современном исламе. Изучен их доктринальный аспект, связи с

традициями исламской социальной мысли, разработана периодизация эволюции исламских концепций в XX веке, раскрыты основные социально-экономические причины исламского возрождения, охарактеризована социальная база важнейших течений, освещена их роль в идейно-политической борьбе. Это работы Е. М. Примакова, Л. С. Васильева, А. И. Ионовой, Т. П. Милославской, А. А. Ахмедова, Г. Ф. Ким и др.

Существенные положения для исследования вопроса соотношения религии и политики содержат работы В. Е. Донцова, Б. С. Ерасова, Н. В. Жданова, А. А. Игнатенко, Р. Г. Ланды, З. И. Левина, Л. И. Медведко, М. С. Мейера, Д. И. Микульского, Ю. Л. Тегина.

Работы З. С. Арухова, Х. В. Дельмаева касаются разработки концепции джихада в исламе.

В конце 80 – начале 90-х гг. XX в. исламский экстремизм прямо или косвенно ассоциировался с одним из идейных течений в исламе – фундаментализмом (А. И. Ионова, А. В. Малашенко, Л. Р. Полонская, М. Т. Степанянц и др.).

В середине 90-х гг. начался отход от отождествления исламского экстремизма с фундаментализмом, он все чаще стал рассматриваться как самостоятельное социальное явление (А. В. Сагадеев). Изучению политического ислама на пространстве бывшего СССР посвящены работы А.В.Малашенко и А.А.Игнатенко, а также специалистов по исламу на Северном Кавказе и в Центральной Азии – В. Х. Акаева, З. С. Арухова, Р. Г. Гаджиева, Е. В. Кратова, К. М. Ханбабаева и др.

Отдельно следует остановиться на проблеме специфичности регионального ислама в контексте исследования процессов распространения радикальных идеологий в мусульманском пространстве России. Проблемам радикализации мусульманского социума Башкортостана и Волго-Уральского региона посвящены работы А. Б. Юнусовой, Д. С. Вояковского, Д. А. Нуриева, М. Т. Якупова, в Татарстане – Р. Мухаметшина, В. Якупова, в областях Среднего Поволжья – А. Хабутдинова, Д. Мухитдинова и др. Авторами дана взвешенная оценка как самого явления «исламский экстремизм», так и возможности его влияния на события в России. Ими отмечается, что радикализм в исламе является социальной реакцией на нерешенность острых экономических проблем. На основе исследования первоисточников мусульманства – Корана, Сунны и трудов теологов разных эпох исследователями сделана попытка ревизии сложившихся мифов о природе данной религии, опровергнуть наличие изначальной политической природы ислама и его единство с экстремизмом. Отмечается, что фундаментализм, как возврат к исходным нормам исламской уммы-государства, возможен именно там, где умма-государство имела место. Поскольку в России ислам не играл самостоятельно сколь-нибудь существенной политической роли, то отсутствуют и перспективы восстановления на ее территории «единого мусульманского халифата».

В целом, анализ степени разработанности темы исламского экстремизма

позволяет сделать вывод, что, несмотря на количественный рост публикаций, посвященных данной проблематике, до сих пор в отечественной политологии существует объективный дефицит комплексных исследований проблемы исламского экстремизма, в том числе в контексте политики преодоления данной угрозы.

Объектом диссертационного исследования является проблема исламского экстремизма в современной России

Предметом исследования выступают субъекты распространения исламского экстремизма (идеологи и религиозно-политические организации), политические проекты исламского экстремизма в современной России.

Целью исследования является комплексный анализ проблем реализации политических проектов исламского экстремизма в современной России

Задачи исследования:

– проанализировать основные научные концепции по проблеме исламского экстремизма;

– рассмотреть основные идеологические конструкты исламского экстремизма;

– на основе анализа имеющегося в научной литературе категориального аппарата экстремизма дать четкое рабочее определение понятию «исламский экстремизм», охарактеризовать критерии и основные направления данного вида экстремизма;

– выявить причины, обусловившие распространение исламского экстремизма в России;

– определить особенности реализации политических проектов исламского экстремизма на территории России, в том числе на примере региональных особенностей ряда северокавказских республик и Республики Башкортостан;

– на основе диссертационного исследования предложить практические рекомендации по противодействию распространения данной угрозы в России в различных плоскостях и на различных уровнях.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили общие методологические принципы, позволившие наиболее полноценно и объективно исследовать проблематику исламского экстремизма. В целом, диссертантом были использованы следующие методы исследования: системный подход, исторический подход, сравнительный метод, анализ результатов экспертного опроса, контент-анализ документов и материалов исследования.

Эмпирическую базу диссертации составили следующие группы источников:

– законодательные акты Российской Федерации, международно-правовые акты, регулирующие политику и практику государств по борьбе с экстремизмом и терроризмом;

– официальные документы органов государственного управления Российской Федерации и документы органов власти и управления

северокавказских и приволжских субъектов Российской Федерации;

– материалы официальных структур традиционного ислама.

– непосредственно источники Ислама – Коран, Сунна, Тафсир.

– документальные материалы и листовки исламистских организаций и движений, труды идеологов исламского экстремизма (С. Кутб, Х. аль-Банна., М. С. Р. аль-Бути, М. Дж. Зинну, Ю. аль-Карадави, С. М. Р. М. Лари, А. А. аль-Маудуди, Р. Сайд, Ф. Якан, Т. ан-Набахони). Особый интерес для автора представляют труды основателя и идеолога международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») Такиуддина ан-Набахони «Политическая концепция Хизб-ут-Тахрир», «Демократия – система безверия», «Экономическая система ислама», «Система Ислама», «ДУСИЙА». Штаб-квартира партии издает журнал «Аль-Вай» («Сознание»). Этот интерес обусловлен современным этапом деятельности партии, заключающимся в активной интервенции в российское идеологическое пространство (особенно в Урало-Поволжье).

– материалы полевых исследований, в том числе материалы этносоциологических опросов, проведенных автором работы. В 2004–2005 гг. в Институте этнологических исследований УНЦ РАН под руководством профессора А.Б. Юнусовой автор принимал участие в проведении опросов среди мусульманского духовенства Республики Башкортостан, в анкетировании мусульманских паломников, совершивших хадж в Мекку в 1996–2004 гг., в интервьюировании представителей конфессиональной элиты – муфтиев, мухтасибов, ректоров мусульманских учебных заведений, в том числе на предмет попыток «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами» пропагандировать свои идеи среди мусульман РБ.

Значительный интерес в плане прогнозирования возможных радикальных и экстремистских проявлений представляют результаты, полученные в ходе социологического опроса, проведенного автором в 2006 году среди 1570 учащихся выпускных классов средних школ, учащихся последних курсов ПТУ и колледжей, студентов и учащихся кадетских школ гг. Уфы, Сибая, Баймака Республики Башкортостан (выбор обусловлен активной деятельностью в этих городах «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами»).

– материалы религиоведческих экспертиз. В ходе исследования были также использованы отчеты по расследованию уголовных дел в отношении членов законспирированных ячеек «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», действовавших на территории Республики Башкортостан.

Также использованы данные политических и социологических исследований, проведенных различными исследовательскими и информационно-аналитическими центрами России (ФОМ, ВЦИОМ и др.), результаты экспертных опросов, анализ СМИ.

Научная новизна диссертационного исследования определена тем, что:

– впервые исследованы региональные аспекты проявления исламского экстремизма в Российской Федерации на примере Республики Башкортостан;

– вовлечен в научный оборот анализ результатов новейших этносоциологических исследований, использованы материалы уголовных дел, возбужденных по факту деятельности запрещенной международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» на территории Урало-Поволжья и религиоведческих экспертиз ее печатных материалов, изъятых в ходе расследования этих уголовных дел;

– предложено «рабочее» определение «исламского экстремизма», под которым понимается идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, характеризующиеся нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требующих абсолютного социального контроля и мобилизации своих сторонников;

– на основе сравнительного анализа авторских социологических опросов и аналогичных общероссийских исследований выявлены общие закономерности распространения исламского экстремизма в стране, а также специфические региональные особенности проявления этого феномена в ряде субъектов РФ;

– рассмотрены характерные проявления воздействия радикального ислама на политический процесс в современной России, выразившиеся в попытках реализации на Северном Кавказе салафитского (ваххабитского) политического проекта;

– детально исследованы попытки реализации в Башкортостане экстремистского политического проекта международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир-Аль Ислами» – «Партии исламского освобождения», чьими основными целями в регионе являются захват власти, насильственное изменение основ конституционного строя и создание единого государства – «всемирного» Халифата;

– на основе комплексного подхода изучения проблемы исламского экстремизма разработан ряд практических рекомендаций по противодействию его распространения в контексте обеспечения вопросов национальной безопасности Российской Федерации.

Теоретическое и практическое значение работы. Представленные в диссертации теоретические обобщения и выводы могут быть использованы при дальнейшей научной разработке исследуемой проблемы. Материалы диссертации можно применять в процессе преподавания общего курса политологии, религиоведения, истории, при создании учебных пособий и методических материалов, а также при повышении квалификации, обучении и переобучении представителей органов власти и управления, занимающихся вопросами взаимодействия с религиозными и общественными объединениями.

Результаты исследования и практические рекомендации могут быть использованы в работе государственных структур федерального и регионального уровня, занимающихся вопросами безопасности человека, общества и

государства.

Апробация результатов. Диссертация обсуждена на заседании отдела религиоведения Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. Материалы и результаты проведенного по теме диссертационной работы исследования освещены в 12 научных публикациях. Основные положения диссертации апробированы в научных дискуссиях и выступлениях на межрегиональных и международных научно-практических конференциях: Этнокофессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы, развития (г. Оренбург, 2002 г.); Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность (г. Уфа, 2003 г.); Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан (г. Уфа, 2004 г.); Археография Южного Урала (г. Уфа, 2004 г.); VI Конгресс этнографов и антропологов России (г. Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005г.); Чеченская республика накануне парламентских выборов (г.Уфа, 2005г.); Экстремизм как социальный феномен (г.Курган, 2005г.); Россия и ислам: межцивилизационный диалог (г.Уфа, 2006г.); Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения (г.Уфа, 2006г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (шесть параграфов), заключения, библиографического списка, включающего 196 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, дана оценка степени разработанности проблемы, выделен ряд малоизученных и еще нерешенных вопросов, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цель, задачи, показана научная новизна, теоретическое и практическое значение работы, определена методологическая база, охарактеризованы источники исследования, отмечена апробация работы и структура диссертации.

Первая глава «Современный исламский экстремизм как объект научного анализа» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе «Методологические подходы к изучению исламского экстремизма»** рассматриваются сложившиеся в зарубежной и отечественной востоковедной политологии различные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности, содержания и проявлений процессов исламского экстремизма.

Наибольшую актуальность приобрели на сегодня вопросы, связанные с влиянием внешнего фактора на процессы распространения идеологии исламского фундаментализма в России и других странах СНГ. В отечественной и зарубежной востоковедной политологии продолжается дискуссия о соотношении внутренних и внешних причин соединения ислама и политики, факторов, способствующих появлению и развитию исламизма. Среди отечественных исследователей (А. А. Игнатенко, Р. Г. Ланда, А. В. Малашенко, С. А. Мельков, В. В. Наумкин, Л. Р. Сюкияйнен, А. Ю. Умнов и др.) существуют разные точки зрения в оценке и самого феномена

исламского фундаментализма, и степени влияния внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах СНГ.

Под влиянием внешних условий на процессы радикализации ислама в России понимается воздействие всего комплекса внешних факторов, которые способствуют или могут привести в дальнейшем к нарушению относительной стабильности в российском исламе, переходу части верующих от умеренных взглядов в области теории и практики ислама на позиции религиозной нетерпимости в вопросах веры и экстремизма в сфере политики. Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире происходит в форме процессов, которые по-разному квалифицируются отечественными и зарубежными исследователями. Иногда эти процессы рассматриваются как следствие «цивилизационного противостояния», и трактовка происходящих в мусульманском мире событий осуществляется с позиций «возрождения» ислама (В. В. Наумкин). В этом подходе прослеживается мысль о том, что современный исламский фундаментализм – это закономерное явление в рамках очередной волны «исламского ренессанса», поскольку оно отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации.

Другие исследователи (Р. Г. Ланда) чаще делают акцент на конкретных социально-экономических интересах, которые стоят за активизацией исламских движений. При этом предполагается, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социально-экономических проблем – все это выступает факторами, способствующими переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого «исламского терроризма» предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилие западных стран в мировых делах, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка».

Исходным пунктом третьего подхода, как правило, выступает анализ геополитических интересов в международных делах.

Как представляется, для дальнейшего анализа развития процессов радикализации ислама в нашей стране наиболее продуктивным может стать подход, рассматривающий совокупности социально-экономических и соответствующих им политических интересов всех слоев исповедующего ислам населения и влияние на эти процессы внешних условий. В конечном счете «спрос» различных социальных групп населения на «радикальный» ислам, который предполагает, помимо прочего, решительные шаги по установлению «исламского порядка» (отождествляемого частью населения с социальной справедливостью, национальным равноправием, равенством всех

перед законом и т. п.) рождает соответствующее «предложение». При этом социальная база исламистов пополняется за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих общественных интересов с установлением исламской формы правления.

В то же время сами по себе внутренние условия, способствующие появлению у населения потребности выражать свои интересы с использованием лозунгов «радикального» ислама, не могут быть достаточными для возникновения широких исламских общественно-политических движений фундаменталистской направленности. Даже при наличии субъективного фактора (каковой в России пока практически отсутствует), возможность создания основных предпосылок для распространения идей «радикального» ислама реализуется на первоначальном этапе через влияние внешних условий.

Во **втором параграфе «Экстремизм – понятие, сущность, характеритстика»** отмечены подходы к пониманию сущностного содержания термина «экстремизм», а также его относимость к религии в целом и к исламу в частности.

В самом распространенном и общем понимании термин экстремизм, следуя дословному переводу (от латинского extremus – крайний), можно определить как приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Несмотря на кажущуюся четкость и очевидную простоту содержания определения экстремизма, в экспертной среде присутствует разное понимание данного явления.

Со значительной долей условности исследовательскую среду можно поделить, исходя из критерия их оценки и подхода в понимании и определении такого сложного явления, как экстремизм, на две группы. Первая группа в своем понимании и определении экстремизма однозначно и без наличия всяких условностей диагностирует экстремизм и оценивает его как исключительно негативное и социально опасное явление.

Вторая группа исследователей склоняется к тому, что, исходя из общего определения экстремизма, данное явление не может определяться как однозначно отрицательное, поскольку в таком случае пришлось бы признать достаточно многие крайние действия и взгляды нарушениями общественного порядка, подпадающими под уголовную или административную ответственность (например, общественная голодовка, марши протеста и т.д.). Противоречие национальных, корпоративных, и прочих интересов, практическая невозможность их гармонизации, принципиальным образом обуславливает неэффективность и нереальность нахождения единого определения данного термина.

В связи с этим, можно предложить следующее авторское определение: экстремизм – есть крайнее проявление идей, действий, взглядов, направленных на радикальное изменение существующих общепринятых политических, социальных, идеологических основ государства и общества, и,

тем самым, создающий реальную угрозу обеспечения прав, интересов и безопасности личности, общества и государства.

Среди исследователей, занимающихся проблемами экстремизма, сохраняются определенные разногласия и относительно правомерности, научной корректности применения ряда ключевых понятий, в той или иной степени сопряженных с проблемой религиозного экстремизма. Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что необходимо различать собственно религиозный экстремизм, возникший в среде верующих, и религиозно-политический, искусственно внедряемый в религиозное сознание, направленный на достижение конкретных политических целей. В этом контексте тип экстремизма, являющийся предметом нашего исследования, с точки зрения научной, общественной, политической, религиозной важности, корректнее будет определить как религиозно-политический.

На основе анализа различных подходов к пониманию этого явления можно выделить следующее общее определение религиозно-политического экстремизма, под которым понимается вид противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами. Это деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Преобладание силовых методов борьбы для достижения своих целей – характерная черта религиозно-политического экстремизма.

Говоря о термине «исламский экстремизм» отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что сумма признаков, выделяющих исламский экстремизм из русла умеренного ислама, складывается примерно следующим образом: непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским, устроенным по шариату; недопустимость раздельного существования религии и государства; мечеть и государство должны быть вместе; отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламской зоны остальному миру; нетерпимость к международному праву; отрицание таких его ключевых положений, как территориальная целостность, незыблемость государственных границ и т.д.; опора на методы дестабилизации ради продвижения своих целей при использовании, где возможно, легальным путем к власти; готовность союзничать со всеми силами, в первую очередь с национализмом, сепаратизмом и все больше с социальным популизмом.

Необходимо оговорить, что термин «исламский экстремизм» с научной точки зрения не является корректным. Справедливо было бы говорить об экстремистах, использующих ислам в качестве идеологии для придания осмысленности своей деятельности. Однако, поскольку этот термин является весьма устойчивым в научном мире в данном исследовании употребляется именно он.

В силу наличия в современной социально-политической и специальной научной литературе различных интерпретаций понятия «исламский экстремизм»

автором предложено «рабочее» определение этого явления, под которым понимается идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, характеризующиеся нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требующих абсолютного социального контроля и мобилизации своих сторонников.

Вторая глава «Этапы формирования и основные идеологические конструкты исламского экстремизма» *состоит из двух параграфов.*

Первый параграф «Исламский экстремизм в контексте политических процессов в странах мусульманского мира» посвящен тем идеям возрождения «истинного» ислама, которые являются основой деятельности исламских экстремистов, направленной на приобретение власти.

Хронологически процесс радикализации ислама можно разделить на четыре этапа, в рамках каждого из которых появлялись свои лидеры и идеологи, заложившие, в конечном счете, доктринальные основы современного исламского экстремизма:

– XIX – первые десятилетия XX века – начало национально-освободительного движения в мусульманских странах. На этом этапе следует выделить такие крупные фигуры исламского реформаторского движения как Джамал ад-Дин аль-Афгани и Мухаммед Абдо. Общей их научной и общественно-политической деятельности было то, что они стремились соединить достижения западной и восточной цивилизации и тем самым возродить былое могущество мусульманского мира, определить сущность «истинного» ислама, при этом, выделив те нормы, которыми современный человек мог бы руководствоваться в повседневной жизни. Наряду с религиозной практикой эти идеологи мусульманского мира начинают выдвигать политические лозунги освобождения от колониальной зависимости;

– 1916-1930-е годы – завершение первой мировой войны и активизация попыток изменения социально-экономической, политической структуры в мусульманских странах. Наблюдается процесс радикализации различных течений в исламе, в том числе как результат присутствия на территории мусульманских государств значительных контингентов иностранных вооруженных сил, начинает формироваться идеологическая база современного исламского экстремизма. Одной из значимых для исламского экстремизма в этот период стала концепция основателя и первого идеолога Ассоциации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банны – уничтожение многопартийности, восстановление власти единоличного правителя – халифа в рамках одного государства, тотальный контроль за поведением граждан, передача всех образовательных учреждений в ведение мечетей, постепенный переход всей нации на ношение унифицированной одежды и т.д.;

– 1940-е-1950-е годы – завершение Второй мировой войны, окончательное освобождение мусульманских стран от колониальной зависимости государств Западной Европы. Начинается процесс реформирования

(модернизации) в традиционных исламских обществах, приведший в итоге к острым негативным социально-экономическим и политическим последствиям и образованию широкого оппозиционного движения под религиозными лозунгами за возвращение к «золотому веку праведных халифов». На этом фоне происходит дальнейшая радикализация различных исламских течений, чьим манифестом в этот период становятся теоретические конструкты одного из основных идеологов современного религиозного экстремизма на мусульманском Востоке Сейид Кутба – необходимость силового захвата власти «истинными» мусульманами с целью кардинальной политической, экономической, социальной и культурной перестройки общества в соответствии с догмами ислама;

– 1960-е-1990-е годы – «исламское Возрождение» в мире. Появление религиозных деятелей, перешедших от лозунгов национальной государственности к требованиям мусульманского объединения в рамках единого государства – халифата, являвшихся более простыми и понятными для широких слоев населения, ждавших от реализации этих требований улучшения материального положения и сохранения духовно-нравственных традиций при помощи возврата к «истинному» исламу. Отмечается выход исламского экстремизма к границам внутренней России через территорию среднеазиатских республик, достаточно быстро попавших под влияние радикальных исламских течений и ставших в последствии плацдармом для их проникновения в российское идеологическое пространство. В контексте создания общемирового исламского государства показательна идеология лидера и основателя «Партии исламского освобождения» («Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами») Такиуддина ан-Набахони – содействие возвращению мусульман к исламскому образу жизни (все стороны жизни должны основываться на нормах шариата) и распространению исламской веры в мире путем вооруженного джихада. При этом декларируется, что реализация этой цели возможна лишь путем воссоздания единого (объединяющего весь исламский мир) теократического государства – халифат.

Таким образом, в своей совокупности вышеназванные базовые постулаты, формирующие у адептов экстремизма соответствующие устойчивые политико-мировоззренческие позиции, провозглашают необходимость бескомпромиссного противостояния «миру неверных» вовне и «миру неистинной веры» внутри ислама. Построенные по такому принципу идеологемы служат основой в обосновании практической деятельности членов исламистских организаций на международной арене, на этой основе культивируются определенные модели социального поведения в исламских обществах. Такие модели нередко оказываются несовместимыми с политико-государственными институтами умеренного ислама, потому в своем развитии требуют формирования новых институтов власти, форм общежития и социальной организации.

Во **втором параграфе «Условия и факторы распространения исламского экстремизма в России»** рассмотрен комплекс предпосылок

социально-экономического, политического и морально-психологического характера, которые привели к проблеме распространения среди российских мусульман взглядов сторонников исламского экстремизма; отмечены основные пути проникновения идей радикального ислама на территорию России.

Причины, обуславливающие проникновение в массовое сознание идей и практики исламского экстремизма можно условно разделить на внутренние и внешние.

Среди внутренних причин значительную роль в развитии социально-мотивированного религиозного радикализма, в том числе исламского экстремизма, формировании его субъектов играют социально-экономические.

В 2007 году на предмет выяснения уровня материального положения населения автором было опрошено 2405 жителей Башкортостана. Анализ результатов опроса показал, что материальное положение своих семей «ниже среднего» оценивали 41,8 % респондентов в возрасте до 29 лет, 56% респондентов в возрасте 30-49 лет и 61% респондентов старше 50 лет. Негативно оценивали условия своей жизни 44,5 % респондентов до 29 лет, которые традиционно считаются наиболее социально и политически активной частью общества, 65,8 % респондентов до 49 лет и 71 % респондентов старше 50 лет. Мнение о том, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» разделяли 25,9 % (каждый четвертый!) респондентов в возрасте до 29 лет, 49,1% респондентов в возрасте до 49 лет и 55,5 % респондентов старше 50 лет.

Данные результаты вполне могут свидетельствовать о грядущем исчерпании «запаса прочности» терпения населения, а также о том, что в обществе идет накопление потенциала социального протеста.

Также, значительный интерес в плане прогнозирования возможных экстремистских и террористических проявлений, на наш взгляд, представляют результаты, полученные в ходе социологического опроса, проведенного автором в 2008 году среди 1570 учащихся выпускных классов средних школ, учащихся последних курсов ПТУ и колледжей, студентов и учащихся кадетских школ гг. Уфа, Сибай, Баймак Республики Башкортостан (выбор обусловлен активной деятельностью в этих городах запрещенной международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» – «Партия исламского освобождении»).

Подчеркивая достаточно высокий выявленный уровень готовности к социальной агрессии респондентов (почти всегда настроены агрессивно по отношению к другим людям 20,6% опрошенных, часто — 31,8%, при 6,2% затруднившихся с ответом), данные опроса показывают, что молодежный экстремизм, как массовое явление, как специфический социально-психологический феномен наших дней, выражающийся в повальном пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам или в циничном отрицании их, следует рассматривать как закономерное следствие коренной ломки стереотипов сознания и поведения.

Также на основе сравнительного анализа авторских социологических

опросов и аналогичных общероссийских исследований выявлены характерные общие внутренние факторы, способствующие росту радикализации ислама: обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у значительных контингентов граждан; слабая работа правоохранительных органов и государственных и общественных органов и организаций по защите прав граждан; низкий уровень правовой и политической культуры в обществе; утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров; настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественную фрустрацию, падение авторитета закона и власти, веры в способность и возможность позитивных изменений; существенное ослабление целого ряда административных режимов; наличие и деятельность ряда экстремистских группировок.

К числу внешних факторов можно отнести: объективный рост числа экстремистских и террористических проявлений в странах ближнего и дальнего зарубежья; социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах, наличие вооруженных конфликтов в отдельных из них, а также территориальных претензий; стратегические установки некоторых иностранных спецслужб, а также зарубежных (международных) террористических организаций; отсутствие надежного контроля за въездом и выездом граждан из России, а также сохраняющуюся «прозрачность» ее границ; международные гуманитарные обмены в сфере религиозного образования; роль арабских представительств действующих на постоянной основе в России международных исламских гуманитарных организаций; наличие значительной арабской диаспоры в России; проповедническая деятельность различного рода миссионерских организаций, осуществляемая с территории арабских стран.

Третья глава «Политические проекты исламского экстремизма на территории России» состоит из двух параграфов.

В **первом параграфе «Деятельность религиозно-политических движений на Северном Кавказе и внутренних регионах России: сопоставительный аспект»** проанализированы попытки реализации на территории ряда республик Северного Кавказа и в Республике Башкортостан политических проектов исламского экстремизма.

Исламизация, политизация и, соответственно, радикализация ислама на Северном Кавказе всегда значительно усиливалась в периоды кризисов этнической, конфессиональной, политической, социальной идентичностей местных народов (движение шейха Мансура в конце XVIII в., Кавказская война, гражданская война и революция, Великая Отечественная война, «перестройка», развал СССР, «парад суверенитетов» в России и т.д.). Эти периоды зачастую по времени совпадали с системными кризисами, имевшими место в России (Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации). В период пребывания Северного Кавказа в составе России, вплоть до конца 80-х - начала 90-х гг. XX в., исламский радикализм здесь произрастал на базе традиционного ислама, преимущественно суфизма. Только в последние

годы, предшествовавшие развалу СССР, а также в постсоветский период, особенно в ходе военной кампании в Чечне в 1994-96 гг., в регионе появляется и постепенно укрепляет свои позиции фундаментальный ислам, получивший известность как «северокавказский ваххабизм» (неоваххабизм), который прибрел на этой территории преимущественно ультрарадикальный (экстремистский) характер.

Салафиты стремятся восстановить главный принцип ислама – единобожие и для этого очистить ислам от нововведений, накопившихся за время его исторической эволюции. Для них характерно отрицание необходимости жесткого следования какому-либо одному мазхабу, не принятие доводов, даже содержащиеся в Коране, если они противоречат их учению, джихад они склонны трактовать как вооруженную борьбу за распространение ислама, салафитское требование подчинения одному лишь Аллаху как бы освобождает индивида от власти патриархальных традиций, обеспечивая высшую религиозную санкцию к самоопределению в рамках новых форм социальной солидарности.

На Северном Кавказе салафитский (ваххабитский) политический проект представлен и претендует на реализацию сразу на четырех уровнях: локальном (Кадарская зона и некоторые другие районы Дагестана); национальном или республиканском (Чечня и в известной степени Дагестан); субрегиональном (Чечня - Дагестан - Ингушетия); северокавказском.

Эти проекты разнятся с точки зрения количества участников и задействованных в них сил. Различаются они и по степени вероятности воплощения на практике. В плане идеологии все четыре уровня салафитского проекта взаимодействуют друг с другом. Формально установление шариатского правления на первичном уровне в одном или нескольких селах - это шаг по лестнице, ведущей к созданию общекавказского исламского государства.

На локальном уровне – предпринимались попытки применения шариатского законодательства при наказании за легкие правонарушения, преступления против исламской морали, была запрещена продажа спиртного, для женщин введена закрытая одежда, для мужчин обязательным стало ношение бороды, ряд сел Кадарской зоны были провозглашены «исламской территорией, управляемой нормами шариата».

На национальном уровне – в 1996 года в Чечне были расформированы светские суды, введены суды шариатские, введен так называемый Уголовный кодекс-шариат, фактически являвшийся переводом Уголовного кодекса Судана, в рамках Национальной гвардии была образована, состоявшая из 200 человек, «исламская гвардия», попасть в которую можно было только по письменно удостоверенной муллой рекомендации, были сформированы и два полка «исламской безопасности», знания ислама стали требовать от лиц, назначавшихся на административные должности. В 1997 году парламент Чечни принял закон «О внесении изменений в Конституцию Чеченской Республики Ичкерия» в соответствии с которым, ислам провозглашался

государственной религией республики, был образован Верховный шариатский суд и новый религиозно-государственный орган – Шура.

На субрегиональном уровне – в 1998 году был создан Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, начался процесс образования общего шариатского суда, шариатской оперативной группы (с целью борьбы с бандитизмом и захватом заложников), были созданы нескольких совместных комитетов, в том числе экономический, финансовый и по вопросам экологии, была провозглашена «Исламская республика Дагестан» и было сформировано «правительство» и создана «Объединенная армия дагестанских муджахедов».

Несмотря на то, что идея создания на Северном Кавказе исламского государства не имеет под собой реальной материальной основы, хотя бы по причине того, что сегодня единство мусульман Северного Кавказа на антироссийской основе невозможно из-за постоянных межэтнических противоречий, как в рамках отдельных республик, так и в более широких масштабах, одним из поводов для разговоров о сохраняющейся общекавказской проекте, о наличии попыток вернуться к идее исламского государства является существование в разных частях региона лагерей «муджахедов», в которых сочетается боевая и религиозная (на салафитской базе) подготовка.

Таким образом, салафитский политический проект может обрести конкретное содержание лишь на местном, локальном уровне, да и то и при условии терпимого отношения со стороны ближайших соседей и местной администрации. На всех остальных уровнях его окончательная реализация невозможна, в том числе в Дагестане и Чечне. Вместе с тем спорадические выступления поборников салафизма могут оказывать очень заметное влияние на ситуацию в регионе и на отношения между расположенными там республиками и федеральным Центром.

В отличие от северекавказского варианта, ислам в Башкортостане никогда не был лозунгом сепаратизма и экстремизма, его правой основой стал т.н. ханафитский мазхаб, основными чертами которого являются терпимость к иным убеждениям и культура толерантности.

Безусловно, у мусульман республики, как у всего российского общества, есть очень много проблем – духовных, социальных, личных. Это безверие и цинизм, слабо развитая система религиозного образования и отсутствие грамотных кадров священнослужителей, неумение противостоять натиску идеологии «рынка» и криминала на жизнь общины. Раскол мусульманского духовенства спровоцировал взаимные обвинения мусульманской элиты в ваххабизме, а затем и его действительное появление в регионах с традиционным мусульманским населением – в Поволжье, на Урале, в Сибири. Социально-экономическое неблагополучие привело к широкому распространению псевдорелигиозных культов, отличительной чертой которых стали невежество, обман, вовлечение своих адептов в криминальную деятельность.

На этом фоне широкое распространение в Башкортостане получили

попытки реализации экстремистского политического проекта международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир-Аль Ислами» – «Партии исламского освобождения» (МТО «ХТ»), чьими основными целями в регионе являются захват власти, насильственное изменение основ конституционного строя и создание единого государства – «всемирного» Халифата

В интересах обеспечения координации и минимизации возможностей расшифровки свою деятельность в республике МТО «ХТ» осуществляет с использование глубоко законспирированных ячеек, построенных по пирамидальному принципу. Практическим выражением политического проекта МТО «ХТ» на территории Башкортостана на данном этапе является массированная интервенция в идеологическое пространство региона посредством тиражирования и распространения идеологической и пропагандистской литературы партии, создания в ряде городов республики региональных мусульманских общественных организаций для проведения завуалированной религиозно-пропагандистской деятельности, вовлечения в деятельность МТО «ХТ» новых членов, получения возможности проникновения в органы государственной власти и управления, гуманитарного влияния на систему школьного образования, формированию у российских мусульман стойкого убеждения о негативном, предвзятом отношении общества к исламской культуре и образу жизни, единственным способом сохранения которых является создание мирового исламского государства – т.н. «халифата».

Таким образом, основой политического проекта МТО «ХТ», которую ее сторонники из числа российских граждан пытаются воплотить в реальность в Башкортостане, является задача по навязыванию исламскому обществу – умме своей воли, втягиванию мусульман в борьбу за выполнение политических задач, т.е. захват и удержание политической власти в определенном регионе, стране.

Сопоставительный анализ политических проектов исламского экстремизма на территории Северного Кавказа и Республики Башкортостан позволяет выявить в их реализации ряд общих и отличительных моментов. К общим моментам можно отнести: наличие единой стратегической цели – захват власти в России и построение исламского государства (Халифата) на территории страны или на первоначальном этапе на определенной ее части, прежде всего, на территории мусульманских субъектов РФ; наличие единых тактических целей – дестабилизация общественно-политической ситуации – провоцирование широких антиправительственных выступлений – смещение руководства страны – формирование исламского правительства (первоначально, возможно, совместно с другими оппозиционными силами).

К отличительным моментам можно отнести отсутствие в регионах единого радикального движения, координирующего центра, что является характерным явлением для всего исламского мира. Экстремистские исламские организации не только не в состоянии объединить свои усилия, что в принципе, стало бы, с точки зрения достижения их общих

стратегических целей, важным и логичным шагом, но и относятся друг к другу как конкуренты, соперники за власть над местными мусульманами; следует четко разделять религиозно-политические экстремистские группы: одни считают возможность создания исламского государства через ненасильственные методы, а другие – исключительно путем вооруженных действий. Так, в идеологии Хизб ут-Тахрир основное место занимает пропагандистская работа среди общины мусульман, т.е., достижение политических целей через пропаганду или посредством денег, мнений, или – мобилизации масс. Напротив, салафизм в своей идеологической борьбе основывается на концепции т.н. «малого джихада» или вооруженной борьбы против неверных.

В целом, наиболее характерным для современного исламского движения в мусульманских регионах России, развевающегося на фоне широкомасштабной реисламизации, является его общая политизация и радикализация, наличие в нем исламских экстремистских структур, пытающихся в остром соперничестве с традиционным исламом и противоборстве с существующим конституционным строем, реализовать свои политические проекты.

Во **втором параграфе «Практические действия по блокированию исламского экстремизма»** намечены пути выработки комплекса мер, направленных на эффективное противодействие религиозному экстремизму и терроризму и их блокирование.

Залогом успеха станет только комплексный подход к решению стоящих перед государством и обществом задач. Только системное и целенаправленное воздействие на все подсистемы радикального исламского движения со стороны органов государственной власти может создать объективные предпосылки для успешной защиты национальных интересов России. Речь идет о выстраивании практических мер по блокированию исламского радикализма, прежде всего его крайних форм, которые условно могут быть разделены на четыре вида:

– институционально-правовые;
– политико-организационные;
– социально-экономические;
– административно-силовые.

Институционально-правовые меры направлены на создание многоуровневой системы регулятивов деятельности общественных субъектов, которые существенно сужают исламистские тенденции, сокращая социальную базу поддержки исламистов. Речь идет о необходимости завершения процесса по созданию пакета нормативных актов, включая и подзаконные, которые четко бы определяли процедуру правовой квалификации «исламского» экстремизма.

Правовыми методами следует также предупреждать аккредитацию в стране и регионе представительств зарубежных радикальных исламских организаций, активность в РФ исламских эмиссаров, преподавательскую деятельность в духовных учебных заведениях РФ иностранцев, неконтролируемое направление на учебу за границу будущих служителей

мусульманского культа.

Содержанием политико-организационных мер выступает поддержка лояльных федеральному центру и региональным властям традиционных исламских структур, формирования условий для их укрепления и модернизации, а также проведение различного рода политико-организационных мероприятий «антиисламистской» направленности.

Блок социально-экономических мер в деле противодействия религиозному экстремизму включает в себя действия, направленные на подрыв и ликвидацию экономической базы радикалов. Как известно, эта база состоит из двух составляющих: содействия из-за рубежа и использования внутренних источников. Реализация на практике этих мер играет главенствующую роль, поскольку существенно ограничивает финансово-экономические возможности экстремистов и, соответственно, сужает их социальную базу.

Административно-силовые меры призваны решительно пресекать попытки деятельности исламских экстремистов.

Кроме того, административными мерами можно приостанавливать деятельность СМИ, издательств, фондов и банков, связанных с религиозными ультра-радикалами. Отсутствие же активного противодействия экстремизму со стороны органов власти и государственных служащих всех уровней должно соответствующим образом квалифицироваться с применением надлежащих санкций.

В основе тактики противодействия мусульманским радикалам должен лежать принцип дифференцированного подхода к двум главным его течениям: с одной стороны, привлечение «умеренных» исламистов к участию в политической борьбе, интегрирование в сферу экономики, органов управления государства и т.п. при сохранении контроля со стороны властей за проводимой ими деятельностью, а с другой стороны – применение репрессивных мер против исламских экстремистов и террористов.

Предложенный набор мер может варьироваться в зависимости от конкретных задач и условий. В то же время, он представляется довольно эффективным в деле противодействия исходящим от движения исламских радикалов угрозам. Гибкий подход к проблеме их деятельности, несомненно, будет способствовать снижению напряженности в обществе и сдерживанию активности исламистов в течение периода, необходимого для решения стоящих перед РФ и регионом реформационных задач.

В **заключении** диссертации подводятся общие итоги работы, формулируются выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах из списка ВАК:

1. Вояковский Д.С. Молодежь и религия: проблема «исламского» экстремизма // Вестник Башкирского университета. 2009. Т.14. №1. С. 273-275.

Опубликованные статьи и тезисы научных докладов:

2. Вояковский Д.С. «Исламский» религиозный экстремизм и Россия // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития : материалы межрегиональной науч.-практич. конференции / Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2002. С. 150-151.

3. Вояковский Д.С. Условия и факторы радикализации массового сознания мусульман // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность : материалы межрегиональной науч.-практич. конференции / Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2003. С. 286-287.

4. Вояковский Д.С. Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан : материалы науч.-практич. конференции / Уфа: Информреклама, 2004. С. 63-67.

5. Вояковский Д.С. Документально-правовая база борьбы с терроризмом // Археография Южного Урала : материалы IV межрегион. науч.-практич. конференции / Уфа: Информреклама, 2004. С. 32-35.

6. Вояковский Д.С. Миграционный фактор радикализации массового сознания мусульман Урало-Поволжья // VI Конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005 г.) : тезисы докладов / [под ред. Ю. К. Чистова]. Спб. : МАЭ РАН, 2005. С. 482.

7. Вояковский Д.С. Опыт Республики Башкортостан по противодействию распространения радикализации религиозного сознания мусульман // Чеченская республика накануне парламентских выборов: материалы круглого стола / Уфа: Издательство БАГСУ, 2005. С. 60-62.

8. Вояковский Д.С. Борьба с религиозным экстремизмом как важный этап по противодействию распространения радикализации религиозного сознания // Экстремизм как социальный феномен : материалы международной науч.-практич. конференции / Курган, 2005. С. 45-47.

9. Вояковский Д.С. О некоторых аспектах радикализации религиозного сознания: на примере деятельности запрещенной в России экстремистской религиозной организации «Хизб-ут-Тахрир» // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения : материалы международной науч.-практич. конференции / Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 155-158.

10. Вояковский Д.С. К вопросу о радикализации массового религиозного сознания в условиях роста религиозности // Россия и ислам: межцивилизационный диалог : сб. науч. статей / [под ред. А. Малашенко]. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 5-9.

11. Вояковский Д.С. Формирование условий распространения идей исламского фундаментализма в России // Этносы и культуры Башкортостана: история и современность : материалы науч.-практич. конференции молодых ученых / Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С.91-96.

12. Вояковский Д.С. Государственно-исламские отношения в России в XX веке как фактор радикализации религиозного сознания // Ислам и государство: сб. науч. статей / [под ред. А. Малашенко]. Уфа: Информреклама, 2007. С. 5-13.

Отпечатанно с оригинал-макета заказчика

Подписанно в печать 15.05.2009. Формат 60x84 1/16
Тираж 100 экз. Заказ № 008-1

Редакционно-издательский отдел
Института этнологических исследований УНЦ РАН
450077, г. Уфа, ул. К.Маркса, 6.

Отпечатано на множительном участке
Института этнологических исследований УНЦ РАН
450077, г. Уфа, ул. К.Маркса, 6.